УДК 882.09
DOI 10.17223/19988613/37/13

Д.О. Тимошкин

ЭТНИЧЕСКОЕ КАК МАРКЕР «ВРАГА» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КРИМИНАЛЬНОМ РОМАНЕ

Описывается процесс трансформации значения слов, конструирующих «постсоветское» пространство и включенных в него акторов, в самом распространенном сегменте современной российской массовой литературы. Массовая литература рассматривается как пространство фиксации социальных стереотипов. Пространство «постсоветской России» в источниках репрезентируется через ключевые слова «хаос», «война всех против всех», «насилие». При этом насилие становится единственным способом выживания актора в пространстве «хаоса», что оправдывает применение любых чрезвычайных мер. За рассматриваемый период значение этих «ключевых слов» претерпевает серьезную трансформацию: в более поздних источниках в «войне всех против» появляется линия фронта вместе с четким разделением акторов на «своих» и «чужих». При этом образ «чужих» конструируется с помощью «этнических» маркеров, имеющих негативную коннотацию. Появление «врагов» используется в качестве аргумента необходимости централизации основного ресурса «постсоветского» пространства – насилия – вокруг нового актора – государства.

Ключевые слова: массовая литература; российский криминальный роман; фрейм; образ «врага».

Цель данной статьи – проследить трансформацию значения слов, описывающих социальные группы «постсоветской России», в самом распространенном сегменте современной российской массовой литературы 1997–2012 гг. Совокупности таких «ключевых слов», описывающих ту или иную группу в контексте определенной социальной ситуации, понимаются как стереотипы, или фреймы. Определение стереотипа, предложенное У. Липпманом [1], представляется достаточно обширным для того, чтобы обнаружить в нем аналогии со множеством других, в том числе и более поздних определений процесса субъективной интерпретации социального пространства: «фоновым знанием», «социальным полем», «социальным мифом» или же «контекстными моделями».

Однако наиболее подходящей для описания объекта исследования теоретической рамкой представляется фрейм И. Гофмана [2]. Объект исследования представляет собой зафиксированные в массовом тексте фреймы «пространства», «акторов» и «власти», помещенные в контекст «постсоветской России». Ссылаясь на В. Вахштайна [3. С. 44], процитировавшего У. Джемса, можно сказать, что «Постсоветская Россия» представляет собой метаконтекст, или фрейм фреймов, определяющий и определяемый с помощью включенных в него «локальных» контекстов. Следовательно, фрейм содержит групповые маркеры, характеристики, а также описания приемлемых механизмов взаимодействия этих групп в ситуации «лицом-к-лицу». Существование фреймов обусловлено невозможностью получить весь необходимый для социализации опыт экспериментально, поэтому на место недостающего личного опыта приходят сценарии «приемлемых» типов социального взаимодействия, выражаясь языком драматургической социологии, сценарии повседневного взаимодействия, воспринимаемые носителями как «здоровый смысл» или фоновое знание.

Одной из форм фиксации фрейма становится текст, где знаки, его составляющие, приобретают значения в зависимости от расположения по отношению друг к другу, от взаимных ссылок и ассоциаций. Чем менее «материален» объект описания, тем сложнее система знаков, а в данном случае слов. Фрейм (и здесь можно провести параллель с «дикурсом» Т. Ван Дейка [4]) формируется благодаря частичной и временной фиксации положения отдельных слов по отношению друг к другу, благодаря чему группа расположенных определенным образом слов имеет устойчивый смысл. Таким образом, фреймы, зафиксированные в массовой коммуникации, которые существуют и признаются истинными на протяжении длительного времени, формируют устойчивые социальные практики, «фоновое знание» или социальные институты. Слова, описывающие фрейм, могут менять свое значение в ходе коммуникации, однако если определенный способ их прочтения существует и признается социально приемлемым в течение длительного времени, то он воспринимается как истина, а альтернативные способы отесняются.

Выбор массового художественного текста в качестве поля для изучения фрейма обусловлен следующими нюансами. Его авторы ориентируются на «цензуру читательских ожиданий», гарантируя популярность и «продаваемость» своих текстов, выстраивая сюжет с использованием фреймов, признаваемых социально приемлемыми его целевой аудиторией. Еще одно следствие фиксирования фреймов в массовом художественном тексте – аудитория может идентифицировать описанные в тексте ситуации, в противном случае они могут показаться ей бессмысленными, а сюжет – неинтересным. При этом автор, описывая привычную читателю социальную среду, оставляет максимальную свободу для интерпретации фреймов, так как следование эстетическим или любым другим предпочтениям неизбежно сузит аудиторию.

Таким образом, предположительно, в массовом художественном тексте фиксируются модели социальных ситуаций, состоящих из описаний «включенных» в них социальных акторов, помещенных в контекст коллективной повседневности группы, на которую ориентирован текст.

Современный российский криминальный роман как пространство фиксации стереотипа. Массовый художественный текст является полем фиксации «дискурсивности» М. Фуко, или постоянного процесса конструирования общностей, объединенных определенным способом понимания тех или иных высказываний. Исследование социального, по Фуко – «археология», «определяет правила образования совокупности высказываний. Тем самым она показывает, каким образом последовательность событий – в том порядке, в котором она представляется, – становится объектом дискурса, регистрируется, описывается, объясняется, разрабатывается с помощью понятийного аппарата и создает условия, в которых возможен теоретический выбор» [5].

Создается впечатление, что П. Бурдьё описывает схожие с предложенными «драматургической социологией» конструкции – «Поля литературы» [6], носители которых объединены общим «традиционным» способом саморепрезентации, общими ценностями и мотивациями, принципами выстраивания социальной коммуникации. Ориентированные на вкусы аудитории, авторы массовой литературы воспроизводят эти конструкции в своих текстах, создавая своеобразный «народный язык», переработанные автором групповые страхи и надежды, способы саморепрезентации, ценности. И этот язык становится посредником между «объективной реальностью» и субъективными попытками ее познания.

В качестве источника был выбран современный российский криминальный роман. Под криминальным романом можно понимать художественный текст, ориентированный на описание преступления и наказания в контексте российской «повседневности». Поскольку предполагается, что чем больше людей выбирают для чтения один и тот же текст, тем более «универсальные» фреймы в него включены, основным критерием для выбора источников служила популярность автора, выраженная в тиражах.

Тиражи криминального романа поражают воображение – книги одной только Д. Донцовой изданы тиражом более чем 150 млн экз. Произведения авторов, занимающих верхние строчки «парада тиражей», ежегодно публикуемого агентством, как правило, не опускаются ниже цифры в один миллион экземпляров ежегодно [7]. Помимо огромных тиражей, фреймы криминального романа ретранслируются через многочисленные экранизации на ТВ, где репертуары «стандартных» социальных ситуаций усиливаются визуальным сопровождением. Ориентированность авторов криминального романа на описание «повседневности» современной

России [8] также может считаться аргументом в пользу такого выбора.

В его пользу говорит еще и специфическое отношение проживающей в России читающей публики к криминальному роману как к «путеводителю» по повседневности. Оно сформировалось еще в СССР, где произведения некоторых «западных звезд» детективного жанра рассматривались как единственный доступный за «железным занавесом» источник информации о табуированном. Позднее, с «развалом» Советского Союза, когда запрет на «Запад» был снят, появилась потребность в путеводителе по трансформирующемуся «постсоветскому» пространству.

Эту потребность удовлетворили уже российские авторы, которые, начав с копирования «западных» мастеров жанра, постепенно наводнили криминальный роман фреймами уже российской «повседневности». В массовом тексте поселились «честные» и «продажные» «менты», «бандиты», «военные», «шпионы», а позднее – «домохозяйки» и «бизнесмены».

«Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [9]. Насколько эта фраза применима к выбранному источнику – вопрос открытый, однако в пользу такого предположения говорит следующее. Чем популярнее автор, тем больше на страницах его произведений «product placement» – скрытой рекламы, или намеренно помещенных в контекст описываемой «повседневности» реально существующих брендов. Маркетологи, исследовавшие феномен «скрытой рекламы», утверждают [10], что упоминание в положительном ключе того или иного товара в «массовом» художественном произведении положительно сказывается на продажах, причем «скрытая реклама» не вызывает такой враждебности у потребителей, как, например, реклама по телевидению.

Если упоминаемый автором бренд продается лучше, почему бы не предположить, что будут пользоваться успехом и авторские «рецепты» социального взаимодействия? Изучение моделей социальных ситуаций, распространенных в современном российском криминальном романе, позволит описать фрейм социального пространства «постсоветской» России.

Если упоминаемый автором бренд продается лучше, почему бы не предположить, что будут пользоваться успехом и авторские «рецепты» социального взаимодействия? Изучение моделей социальных ситуаций, распространенных в современном российском криминальном романе, позволит описать фреймы «пространства», «актеров» и «власти», в совокупности составляющие единый «метаконтекст», или «фрейм фреймов» «постсоветской России». Единицей анализа становится не отдельный знак, а скорее совокупность знаков, объединенных между собой ассоциативными связями в единую смысловую конструкцию, обозначенную «ключевым словом» [11], совокупность таких ключевых слов, в свою очередь, составляют фрейм.

В качестве источников были отобраны 50 произведений авторов, которые в период с 1997 по 2012 г. возглавляли «парады тиражей» российского книжного рынка и ежегодно публиковались Федеральным агентством печати и массовых коммуникаций. Выбранные произведения в разные годы входили в списки бестселлеров Москвы по версии Росбизнесконсалтинга [12, 13].

«Хаос» и «Война» как границы фрейма «постсоветского» пространства. Российская «повседневность» обозначается ключевыми словами, которые можно объединить в несколько условных групп. Первая – локальные территории, где разворачивается непосредственное действие (они обозначаются, как правило, в противопоставлении «Москвы» и «провинции»), а также территории, которые по тем или иным причинам связаны с ними. Вторая – пространства, на противопоставлении с которыми конструируется «здесь и сейчас».

Само пространство крайне редко «называется» ключевым словом («Россия», «страна», «Русь»), как таковое оно практически отсутствует, обретая границы лишь при противопоставлении, либо со «светлым советским прошлым», либо с «заграницей». Впрочем, ключевым словом, маркирующим «постсоветское» пространство в криминальном романе, вполне может стать «хаос». Слово это одинаково может обозначать и грязные улицы, и кризис института брака. «Хаос» можно назвать самостоятельным и в каком-то смысле единственным актором, поскольку именно он определяет как пространство, так и социальные ситуации криминального романа.

Синонимы, с помощью которых маркируется «физическое» пространство («грязь», «плохие запахи», «голод»), проецируются и на пространство «социального» («разрушение», «неустроенность» и «хаос»). Пространство «неустроенности» может быть ограничено во времени (это редко обозначается конкретными историческими моментами, чаще используются следующие конструкции: «когда восторжествовала демократия», «развалился Союз», «когда все встало с ног на голову»). Выбор, стоящий перед жителем такого агрессивного и дестабилизированного «пространства», небогат – либо подчиниться обстоятельствам, либо выстраивать вопреки им альтернативную версию среды обитания, относительно комфортную для существования. В качестве образца такой среды используется фрейм «советского прошлого».

Яркий пример – цикл произведений «Рок-н-ролл под Кремлем» Д. Корецкого [14]. Книги цикла выходили в печать с 2007 по 2014 г. В 2013 г. вышел одноименный телесериал. Пространство «прошлого» в романе выглядит более приспособленным для жизни, нежели его «постсоветское» продолжение: «Незыблемая коммунистическая эпоха», «не слишком замусоренные тротуары», «немногочисленные пока машины», «светлый социалистический мир». «Москва», многона-

циональная столица социализма, противопоставлена «рабочему поселку». Преступность, бесконечные «разборки» между группами молодежи, «грязь». Однако присутствие «советской власти» ощущается и здесь. Железной рукой она наводит порядок после очередной, особо кровопролитной драки: «Советская власть была сильна, последовательна и демагогична. Тех, кто умер, – схоронили, кто не умер, – вылечили, магазин восстановили, показательным судом зачинщиков приговорили к расстрелу да к пятнадцати годам... А чтобы подобных безобразий впредь не случалось, отстроили Дом культуры» [Там же].

«Москва 2002 года» выглядит совершенно иначе. Поток машин движется в облаке «ядовитых выхлопов», в «потной жаре», окруженный небоскребами и элитными магазинами с «заоблачными ценами». Идеологические плакаты заменены на многочисленные призывы от старательно перечисляемых автором брендов «покупать, покупать, покупать». «Воняющая бензином стальная река» течет мимо гостиницы «Интурист», изображаемой как последний оплот «той, старой» Москвы, доживающей последние дни, – здание перестраивают.

Повторимся, пространство «постсоветской России» немисливо вне понятия «разрушения», «кризиса», которым пропитано все – от кухонь до практик социального взаимодействия. Социальные акторы находятся в постоянном поиске группы, «в которой возможно обретение желательной статусной ренты, воссоздание наглядности картины мира, интересубъективной реальности» [15]. Чтобы попасть в пространство «хаоса», актор часто должен совершить символический переход из «СССР» в другой мир «постперестроечной России» [16]. Трансформация происходит в его отсутствие, он лишь сталкивается с ее последствиями, это еще больше подчеркивает его зависимость от «обстоятельств», шок. В момент воссоединения актора с группой им автоматически приобретает способность противостоять «кризису».

«Война» – еще один маркер «постсоветской» повседневности. Бессчетные сцены убийств, изнасилований, ограблений и драк проецируются на «физическое» пространство, подчеркивая его опасность. Ограничиваясь буквально несколькими словами для того, чтобы нарисовать «быт» («грязь», «теснота», «плохой запах»), авторы с лихвой компенсируют скудный образ «пространства» физическое иллюстрациями «обыденности» пространства социального. «Война» может означать и боевые действия в Чечне или Афганистане (если речь идет о «советском»), и «войну» между государственными силовиками и бандитами.

«Война» становится еще одним способом противопоставления России с другими пространствами, здесь, «в отличие от» других стран, убийства, кражи, изнасилования – дело совершенно обыденное, во всяком случае – в «девяностых». Настолько, что этим промышляют все акторы, как «герои», так и «злодеи». И те и другие используют одинаковые методы, и те и другие «вынужде-

ны» применять их. Их конфликт обусловлен не борьбой «добра и зла», как это будет позже, скорее борьбой за ресурсы.

Единственным способом выжить и иметь возможность самостоятельно принимать решение относительно своей судьбы становится насилие. Именно наличие силового ресурса делает персонажа актором в прямом смысле этого слова. Остальные же, не обладающие таким ресурсом, терпят неисчислимые бедствия.

В поздних источниках «Прошлое» прорывается в настоящее. Тема плохого продолжения хороших времен является сквозной. «Последние времена» продолжают и в источниках 2012 г., хотя и не в такой степени. «В последние времена» социальное пространство описывается «иным, чем раньше», независимо от того, в «девяностых» или в «двухтысячных» происходит действие. Ситуация всегда «ненормальна»: «В последнее время киллеры стали умнее. Если есть возможность, они не просто убивают, они делают так, чтобы жертва исчезла бесследно. Поэтому в последние годы число без вести пропавших людей зашкаливает за все мыслимые пределы» [17].

«Разруха» в поздних источниках скрывается за фасадами дорогих магазинов и казино, но она – частая деталь фрейма пространства: «Район трущобный. Одно- и двухэтажные дома барачного типа, потемневшие от времени общежития. Но больше всего наводили тоску дощатые бараки, на скорую руку сооруженные еще в годы войны для рабочих эвакуированных заводов. Люди и не жили здесь, а ютились. О таком благе цивилизации, как канализация, здесь и знать не знали. Все удобства во дворе, а воду из моек выливали прямо на улицу. Дорога узкая, потрескавшийся асфальт, ухабы на ухабах...» [18].

Разруха уходит из повседневности в область страхов: «Нефтяное благополучие последних лет, когда золотой водопад низвергался на державу просто так, потому что баррель вместо одиннадцати долларов вдруг стал тянуть на полтинник, убаявало и усыпило тысячеглавую гидру государственных проблем, которая еще так недавно разевала всю тысячу своих пастей» [19]. Стоит только цене на нефть упасть, и «гидра» проблем проснется снова, и тогда «конец всему».

Автор и читатели знают, что «стабильность» двухтысячных – мнимая. Практически у них так и не появилось настоящего, скорее «советское» прошлое разделилось на две части, где одна следует из другой «СССР» и «девяностые»: «Производства стоят, как и стояли, новых технологий как не было, так и нет, наука не только умерла, но ее даже и похоронить успели, и на похоронах сплестать – научные институты сдали в аренду под казино, компьютеры продали налево, истребители разобрали на “цветные металлы”». «Война» все еще тлеет на окраинах пространства: «По ночам стреляли не только в горах, но и в городах, на блокпостах взрывали заминированные машины, как будто сами по себе вдруг находились склады с оружием» [Там же].

Однако «мир в ожидании конца» выглядит все же лучше, чем мир «девяностых», который этот «конец» переживает: «Димон никогда не ждал превращения России в Аркадию, прихода “эпохи процветания” и воцарения рая. У него был свой рай – крохотная квартира, Ольга, сын и какая-то работа, которая позволяла ему кормиться...» [20].

В поздних источниках значение слова «хаос» претерпевает некоторые изменения. «Хаос» 90-х не персонифицирован, точнее – все персонажи криминального романа являются в той или иной степени его агентами. С ним невозможно бороться, поскольку у него нет конкретного воплощения. «Хаос» выступает скорее как артикуляция попыток осмысления «мифической ситуации», найти «имя» многочисленным переменам.

К середине «нулевых» этот поиск в определенном смысле увенчался успехом. «Хаос» был десакрализован, более того, он принимает конкретные воплощения. Вынесенный за пределы добра и зла в более ранних романах здесь он обретает лицо, а вместе с ним и качества дегуманизированного «врага». В каком-то смысле «террористы», «чеченцы», «карлики из подземелья», «американские шпионы» и таинственная «власть наверху» берут на себя функции раннего «хаоса», или постоянного дестабилизирующего фактора. В «войне всех против всех» появилась четкая линия фронта вместе с пока еще размытым противопоставлением «мы» и «они».

«Я тот самый русский Ванька, который воюет с вооруженными чеченцами» [21]: использование этнического как маркера «врага» для оправдания централизации насилия. Вместе с «хаосом» трансформируются и акторы, из их числа исчезают «бандиты». «Война» теперь идет на прежде не существовавших границах пространства. Силовой ресурс, сохраняя свою значимость, уходит на второй план, пропуская вперед иной способ организации социального пространства «России» – социальные сети, основанные на неформальных деловых, дружеских и родственных «связях». Последние позволяют всем желающим получить доступ к силовому ресурсу, регулятором процесса выдачи «патентов» выступает «государство», слово, практически отсутствующее в ранних источниках и используемое в ином значении.

Поскольку на «границах» пространства появляется дестабилизирующий фактор, «враг», подразумевается, что существует и сдерживающая альтернатива внутри пространства. Им и становится «государство» в лице «сотрудников» государственных силовых структур. Они широко представлены в романах «девяностых», однако там с «государством» себя не ассоциируют, более того, резко противопоставляют. Но в поздних источниках силовики действуют уже не сами по себе, как независимые агенты «силы», а следуя интересам и инструкциям «государства». «Врагами» же становятся те, кто интересам государства противодействует. В

этот момент «хаос» теряет свою нейтральность и становится опасным, иными словами, в роман приходят добро и зло. Хаотическое сообщество конкурирующих бандитов сменяется на единое стационарное, и этот сюжет широко присутствует в «истории» криминального романа.

В автобиографичном монологе бывшего бандита, а ныне – охранника олигарха в произведении Ю. Шиловой отражается каноничный пример такого перевоплощения. В «лихие девяностые» он убивал, грабил и насиловал. Затем попал на «вторую чеченскую» войну, где продолжил делать то же самое, но уже «во благо государства»: «На моё счастье и на несчастье нашей многострадальной страны шли боевые действия в Чечне. Я принял решение стать контрактником и уехать служить на Северный Кавказ. Этим я убивал сразу несколько зайцев. Если вернусь живым, получу удостоверение участника боевых действий, которое может оказаться полезным. Да и деньги не лишние... Согласись, защищать Родину – это более достойное занятие, чем прятаться год по съёмным квартирам и общаться с малознакомыми людьми. Вот так я и попал на войну...» [22]. Война искупила прежние преступления персонажа, и он поступил работать в МВД.

«Государство» становится дополнительным маркером, отделяющим прошлое от настоящего. Актеры четко разделяют то самое «прошлое» государство «нормативных актов и статусов» как с прошлым «хаосом», так и с нынешней «системой» связей: «Ты что, не понял, что в милиции, как в любом ведомстве, две вертикали власти? Официальная, которая платит тебе копейки и ничем не помогает, и неофициальная, но очень могущественная – та Система, которая и определяет на самом деле всю твою жизнь? И это не только у нас, это существует в любом ведомстве!» [Там же].

Враги, как правило, обозначаются при помощи «этнических» маркеров, которым придается негативная коннотация, именно с этими группами теперь ассоциированы страхи и фобии, которые ранее ассоциировались с «хаосом». «Чеченцы» занимают первое место в списке артикулированных в источниках фобий. При этом с «чеченцами» могут быть ассоциированы самые разнообразные группы. Это и сепаратисты, сражающиеся в горах против федерального спецназа, и «террористы», готовящие взрывы в московском метро. Они становятся воплощением абстрактного зла, которое нужно искоренять повсеместно.

Диалог с ними невозможен по причине того, что стороны просто неспособны понять друг друга. Противостоять демонизированным «чеченцам» предстоит сотрудникам государственных силовых структур. Повторяется схема выстраивания конфронтации «героя» и «антагониста»: они совершают одни и те же поступки, однако «чеченец» убивает, потому что «ненавидит все русское», а «герой» – потому что он защищает себя и «свою страну».

Здесь уместно вспомнить А. Цуциева, который писал: «Через этнические предрассудки реализуется функция “канализации” агрессии или других форм выражения групповой ненависти в желательном направлении. Причем введение понятия функционального эквивалента предполагает определенный диапазон изменчивости предрассудков, в рамках которого может выполняться указанная функция. Так, если образ врага не удастся идентифицировать при помощи этнических предрассудков с конкретной этнической группой, то заменителем, эквивалентом выступают предрассудки против класса, социальной или политической группы» [23].

И вновь «хаос», но уже персонифицированный, выступает как оправдание любых чрезвычайных мер. Один из актеров сталкивается на войне с «чеченским» подростком и без колебаний расстреливает «врага»: «Валера первым ворвался в дом. И тут же наткнулся на чечена. Это был совсем молодой паренек. На подбородке едва заметный пушок, глаза ясные, светлые. Ну, никак не походил он на грозного чеченца. Самый обычный пацан... Но у этого “обычного” пацана в руках обрез охотничьего ружья. И взгляд в один миг налился дикой злобой. Рука с обрезом поднимается. Сейчас грянет выстрел... Ба-бах!.. Валера выстрелил первым. Его пуля ударила “чеха” в грудь, швырнула на стену. С разведенными в сторону руками, с широко распахнутыми глазами он опустился на пол. Теперь это снова был человек. Мертвый человек» [24].

В образе «чеченца» часто воспроизводился «традиционный» миф, бытовавший в романтической литературе XIX в. [25]. «Чеченец» означало «благородный враг», пусть дикий, но честный, мужественный, равный. В одной из книг лидер «чеченской» преступной группировки оказался рядом с актором, который до этого вел с ним долгую и кровопролитную борьбу: «Алихан зло смотрел на Тимура. Но в его глазах не было ненависти. Зато угадывалось нечто, похожее на уважение. У чеченов в почете кровная месть. Со своим врагом они воюют до конца. Но это не мешает им уважать сильного врага. Алихан с Тимуром – враги. Но они оба сильные люди. И стоят друг друга. Тимур кровную месть не признает. Но он тоже взращен по диким законам каменных джунглей. И будет воевать с Алиханом до последнего. Но он тоже будет его уважать. Ведь этот чеченец такой же волк – жестокий и сильный. Да, Алихан скорее волк, чем шакал» [24].

Позже этнический маркер становится синонимом «врага России». Их объединяет животная ненависть «ко всему русскому», мотивация их поступков объясняется патологической жадностью и беспринципностью. И отношение к «чеченцу» теперь совершенно иное: «Лежат голубчики лапками вверх. Вряд ли их души сейчас отправляются в рай к Аллаху. По своей сути мусульманская религия достаточно мудрая и никак не приветствует насилия. Просто кое-кто подстраивает Коран под свои кровожадные планы. Джихад, воины Аллаха, смерть неверным... В последнее время в

экстремистских бандах арабов зачастую больше, чем самих чеченцев. И славянских оборотней с каждым разом становится все больше» [21]. «Врагом» может стать не только «чеченец», но и «русский оборотень», который также превращается в «чеченца». К этой же группе можно отнести и «кавказцев», «американцев» и «украинцев», в зависимости от ситуации.

Все эти группы могут быть ассоциированы с «чеченцами», «как правило связаны» с ними и описываются с помощью аналогичных слов: «Азербайджанские бойцы не имели никаких шансов взять верх над “волками”. Не было у них того опыта уличных драк. Да и особой силой они не отличались. Зато у айзеров были ножи. Они все разом, как по команде, отступили назад. И обнажили короткие, остро отточенные клинки. Только Валера почему-то не испугался. Он и его пацаны выхватили «волыны». Щелкнули взводимые курки. “Че, схавали, чернозядые?” – победно протрубил Валера. И грозно нахмурил брови» [24].

«Враги» «неприятны», «трусливы», «опасны», они «черные», «звери», «духи» или «чехи». Маркером «врага» становится не только цвет, но и определенный «образ мысли», в том числе к «врагу» могут быть отнесены люди, которые вкладывают в фрейм «врага» иной смысл. Взаимодействующий с «черными», пытающийся оправдывать или одобрять их действия, сам становится «черным».

Подведем итоги. Фрейм социального пространства «постсоветской России» конструируется в тексте за счет объединения акторов и «территории» в одно целое за счет понятия «хаос», который затем приобретает синоним «враг». «Хаос» остается в романах до тех пор, пока «государство» «девяностых» мертво или находится в коме. Актёры лишь с тоской (или отвращением) вспоминают времена, когда оно «было сильным». На место мертвого государства и никогда особо и не работавшего «закона» приходят конкурирующие силовые группировки, получившие ресурс «по наследству» от покойного Союза или «взятые его силой».

По другую сторону баррикад в этой войне всех против всех оказался «простой человек», который, не имея силового ресурса, остается уязвимым для «обстоятельств», а приобретая силу, вынужден включиться в «войну». Война «всех против всех» закончилась с выходом на сцену «государства»: силовики «официальные» поставили под контроль силовиков-«аутсайдеров» просто потому, что оказались сильнее.

Усилившееся «государство» требует от своих подопечных подчинения, пытается навязать представление о единстве интересов и, возможно, происхождения, а единственным способом сделать это в условиях «войны» было обращение «фронта» этой войны вовне. «Враг» консолидировал конкурирующих «бандитов», «ментов», а также – не имеющее силового ресурса «большинство» в единую группу, уравнивая их друг перед другом за счет системы неформальных «связей», где любой может получить силовое прикрытие в обмен на лояльность или «по дружбе». Практически, «связи» между «государством» и негосударством заменили «неработающий» закон и социальные институты.

Вместе с правилами игры на сцену вышли акторы – бизнесмены, домохозяйки и адвокаты, отсутствовавшие в ранних романах. Возможно, именно этим и объясняется подчеркиваемая важность «связей» при сотрудничестве с «государством». Полиция, прокуроры и судьи – слабы и беспомощны в ситуациях «официальных» контактов, зато оказываются неоценимыми помощниками и покровителями в случае, если к ним обращаются по неофициальным каналам. Ассоциация «государство – законы» при этом сохраняется, однако на нарушение «плохих» законов в первую очередь «вынуждено» идти само «государство», аргументируя это нуждами военного времени.

Однако поводов придать легитимность новой конструкции, монополизировавшей насилие, не существовало, ведь «хаос», породивший запрос на «стационарного бандита», который бы систематизировал сбор ренты и выступил бы гарантом относительной стабильности социальной коммуникации, ушел на периферию. Поэтому «хаос» потребовалось внести извне, чтобы постоянно держать общество в страхе перед «разрухой» девяностых. «Нейтральный» социальный хаос, позволяющий существовать в рамках одного пространства неограниченному количеству силовых агентов, или акторов, превращается во вражеский проект этнически маркируемых «врагов России» – «террористы», «звери», «американцы». «Государство» же в образе полиции, армии и разведки служит гарантом неприкосновенности «границ» пространства от угроз «снаружи», допуская при этом противостояние нескольких группировок, получивших «патент» на насилие внутри самого пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 381 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р.Е. Бумагила, Ю.Л. Данилова, А.Д. Ковалева, О.Л. Оберемко. М.: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 336 с.
3. Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
4. Ван Дейк. Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амаевой. М.: Либроком, 2013. 344 с.
5. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой. СПб.: ИЦ Гуманитарная академия; университетская книга, 2004. 307 с.
6. Бурдые П. Поле литературы / пер. с фр. М. Гронас // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
7. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2011. 91 с.
8. Загидуллина М.В. «Новое дело» интеллигенции, или Хождение в народ-2 // Знамя. 2003. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/8/zagid.html>, свободный.
9. Томас У. История теоретической социологии: в 3 т. / под ред. Ю.П. Давыдова. М.: Канон, 1998. Т. 3. 448 с.

10. Березкина О.А. Product Placement. Технологии скрытой рекламы. СПб. : Питер, 2009. 206 с.
11. Йорсенсен М., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. А.А. Киселевой. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 352 с.
12. Самые популярные книги в Москве за III квартал 2006 года. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2006/10/24/31227881>, свободный.
13. Самые популярные книги в Москве за I квартал 2012 года. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/10/24/31227881>, свободный.
14. Корецкий Д.А. Рок-н-ролл под Кремлем. М. : АСТ, 2007. 352 с. URL: <http://tululu.org/read5636/7>, свободный.
15. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния // Русский журнал. URL: <http://russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Nestabilnye-socialnye-sostoyaniya>, свободный.
16. Корецкий Д.А. Антикиллер. М. : Эксмо, 2003. 480 с. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=14961&p=1>, свободный.
17. Колычев В.Г. Без суда и следствия. М. : Эксмо, 2003. 216 с. URL: http://loveread.ws/read_book.php?id=14145&p=76, свободный.
18. Колычев В.Г. Сезон свинцовых дождей. М. : Эксмо, 2006. 379 с. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/68740/Kolychev_-_Sezon_svincovyh_dozhdeii.html, свободный.
19. Устинова Т.В. Пять шагов по облакам. М. : Эксмо, 2007. 352 с. URL: http://www.libok.net/writer/2663/kniga/8882/ustinova_tatyana_vitalevna/ryat_shagov_po_oblakam/read/2, свободный.
20. Устинова Т.В. Гений пустого места. М. : Эксмо, 2006. 412 с. URL: http://ubooki.ru/художественная-литература/романы/остросюжетные-любовные-романы/genii_pustogo_mesta, свободный.
21. Колычев В.Г. Черный интернационал. М. : Эксмо, 2007. 320 с. URL: http://loveread.ws/read_book.php?id=14133&p=62, свободный.
22. Шилова Ю.В. Венец безбрачия, или Я не могу понять свою судьбу. М. : АСТ, 2013. 320 с. URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=303588&pages=36>, свободный.
23. Габдуллин И.Р. Этнические предрассудки: сущность и особенности функционирования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994.
24. Колычев В.Г. Генералы песчаных карьеров. М. : Эксмо, 2003. 448 с. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=166810&p=49>, свободный.
25. Цуцеев А.А. Русские и кавказцы. По ту сторону дружбы народов // Дружба Народов. 2005. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/10/cu7.html>, свободный.

Timoshkin Dmitry O. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dmttrim@gmail.com

ETHNIC IDENTITY AS AN “ENEMY” MARKER IN MODERN RUSSIAN CRIME FICTION.

Keywords: popular literature; modern Russian crime fiction; frames; enemy image.

The author describes the transformations of word meanings defining the «post-Soviet» reality and actors involved in the most popular sector of contemporary Russian mass literature. Mass literature is considered an area fixing social stereotypes or frames. This suggestion is supported by the orientation of mass literature to meet readers' expectancies, which means that best-selling authors fix ideas of the target audience of their social media. The «post-Soviet» Russia is represented by the key words: «chaos», «war of all against all», «violence», «useless law», «unstable» that serve to fix and organize the frame of the «post-Soviet» reality. Meanwhile, there is no «post-Soviet» reality proper that exists only as a territory of social crisis limited by «sweet» memories of the «happy Soviet past» on the one side and «the West» on the other. The area of external aggression becomes a factor that determines the fate of the characters in best-selling books. In this respect, violence is regarded a single source of surviving in «chaos», which justifies use of any «extraordinary» activities. The meaning of «key words» framing the «post-Soviet» area changes throughout the period described: most recent books introduce the war frontier separating the «actors» into «natives» and «aliens» involved into the «war of all against all». In so doing, the «aliens» are defined by «ethnic» identities with obvious negative connotations. The appearance of «enemies» is used as an argument in favour of making violence, a major resource of the «post-Soviet» area, an ambient reality of the new actor defined by a «key word» – «state». The latter changes its meaning: the «state» was «weak», «destructured» or even did not exist at all before and then it became the only controlling agent and resource distributor, the principal power of which was confirmed in earliest and latest contributions. The «state» is described from one more respect now: law enforcement, the agents of which serve its interests. Earlier law enforcement was not connected with «state», even more, sometimes they were bluntly opposed to each other. The «enemies» became personalized as well: the «blacks», «beasts», «Americans» and «terrorists» try to make chaos on the territory controlled by the «state» (actually, by law enforcement agents). Categories of «good» and «evil» are introduced into best-selling books alongside with the ethnically marked «enemies», the «evil» being represented either by the actor in the opposition to the «state» or the competitor for the power monopoly.

REFERENCES

1. Lippman, W. *Obshchestvennoe mnenie* [The public opinion]. Translated from English by T.V. Barchunova. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.
2. Goffman, E. (2004) *Analiz freymov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [The analysis of frames. An essay on the organization of everyday experience]. Translated from English by R.E. Bumagin, Yu.L. Danilov, A.D. Kovalev, O.L. Oberemko. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; Institute of the Public Opinion Foundation.
3. Vakhstein, V. (2011) *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of everyday life and the theory of frames]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
4. Van Dyck, T. (2013) *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatova. Moscow: Librokom.
5. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Translated from English by M.B. Rakova. St. Petersburg: Humanitarian Academy; University Book.
6. Bourdieu, P. (2000) Pole literary [The field of literature]. Translated from French by M. Gronas. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 45. pp. 22-87.
7. Federal Press and Mass Communications Agency. (2011) *Knizhnyy ryok Rossii. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [The Russian book market. Status, trends and prospects]. Moscow: Federal Press and Mass Communications Agency.
8. Zagidullina, M.V. (2003) “Novoe delo” intelligentsii, ili Khozhdenie v narod-2 [A “new deal” of intelligentsia, or Going to the people-2]. *Znaniya*. 8. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/znaniya/2003/8/zagid.html>.
9. Thomas, W. (1998) *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii: v 3 t.* [The history of theoretical sociology. In 3 vols.]. Vol. 3. Moscow: Kanon.
10. Berzskina, O.A. (2009) *Product Placement. Tekhnologii skrytoy reklamy* [The product placement. The technology of hidden advertising]. St. Petersburg: Piter.
11. Yorrsensen, M. & Phillips, L.J. (2009) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [The discourse analysis. The theory and technique]. Translated from English by A.A. Kiseleva. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
12. RBK. (2006) *Samye populyarnye knigi v Moskve za III kvartal 2006 goda* [The most popular book in Moscow for the III quarter of 2006]. [Online] Available from: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2006/10/24/31227881>.

13. RBK. (2012) *Samye populyarnye knigi v Moskve za I kvartal 2012 goda* [The most popular book in Moscow for the I quarter of 2012]. [Online] Available from: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/10/24/31227881>.
14. Koretskiy, D.A. (2007) *Rok-n-roll pod Kremlem* [Rock-and-roll under the Kremlin]. Moscow: AST.
15. Blyakher, L.E. (2005) *Nestabil'nye sotsial'nye sostoyaniya* [Unstable social status]. [Online] Available from: <http://russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Nestabil-nye-social-nye-sostoyaniya>.
16. Koretskiy, D.A. (2003) *Antikiller* [Antikiller]. Moscow: Eksmo.
17. Kolychev, V.G. (2003) *Bez suda i sledstviya* [Without trial]. Moscow: Eksmo.
18. Kolychev, V.G. (2006) *Sezon svintsovykh dozhd'ey* [The season of lead rains]. Moscow: Eksmo.
19. Ustinova, T.V. (2007) *Pyat' shagov po oblakam* [Five steps in the clouds]. Moscow: Eksmo.
20. Ustinova, T.V. (2006) *Geniy pustogo mesta* [The genius of the empty space]. Moscow: Eksmo.
21. Kolychev, V.G. (2007) *Chernyy internatsional* [The Black International]. Moscow: Eksmo.
22. Shilova, Yu.V. (2013) *Venets bezbrachiya ili ya ne mogu ponyat' svoju sud'bu* [The crown of celibacy, or I can not see my fate]. Moscow: AST.
23. Gabdullin, I.R. (1994) *Etnicheskie predrassudki: sushchnost' i osobennosti funktsionirovaniya* [Ethnic prejudices: the nature and features of functioning]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Yekaterinburg.
24. Kolychev, V.G. (2003) *General' peschanykh kar'erov* [The Sandpit Generals]. Moscow: Eksmo.
25. Tsutsiev, A.A. (2005) *Russkie i kavkaztsy. Po tu storonu druzhby narodov* [The Russians and Caucasians. On the other side of the peoples' friendship]. Druzhba Narodov. 10. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/10/cu7.html>.